

Первухин М. Шутки Чехова. Воспоминания // Слово (Рига).

1927. 5 июня. № 526. С. 3.

Шутки Чехова.

Воспоминанія.

Мое знакомство съ Чеховымъ, мой съ нимъ встрѣчи и бесѣды, --- все это относится къ тому періоду въ жизни Чехова, когда онъ самъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ «процессикомъ въ легкихъ», распространявшимся и на другіе органы. Еще въ 1900 году, И. Левитанъ, одинъ изъ тѣхъ очень и очень немногихъ людей, которые имѣли право считаться близкими друзьями Чехова, говорилъ мнѣ встревоженно:

— Я не узнаю Анто́на Павловича, такъ онъ измѣнился физически, и за такой короткій срокъ! Въдь, это уже не самъ Чеховъ, а только его грустная тѣнь!

Онъ говоритъ, что въ этомъ году чувствуетъ себя нѣсколько лучше, крѣпче, чѣмъ въ прошломъ. Можетъ быть это и такъ. А можетъ быть --- самообманъ. Или онъ не хочетъ огорчать близкихъ и любящихъ людей...

Вотъ, вы, М. К., познакомились съ Чеховымъ только недавно, и вамъ, конечно, не зная, какимъ онъ былъ раньше, трудно, и даже, пожалуй, прямо-таки невозможно судить о немъ въ его теперешнемъ положеніи. А я вамъ говорю: единственное, что хоть отчасти уцѣлѣло отъ стараго, отъ настоящаго Чехова, --- это его неискоренимая шутливость. Но и та принимаетъ какой-то почти трагическій отбѣнокъ.

Горитъ, горитъ бѣдняга Анто́нъ Павловичъ!

Левитанъ, большой художникъ, отличный физиономистъ, любившій Чехова, какъ можно любить только родного брата, былъ, конечно, правъ, говоря о «горѣнии» или «сгораніи» Чехова. Но и самъ то онъ, Левитанъ, достигшій апогея своей славы, завоевавшій матеріальное благосостояніе, сдѣлавшійся однимъ изъ любимцевъ русскаго культурнаго общества, сгоралъ еще быстрее, чѣмъ его другъ Чеховъ. Когда шла вышеприведенная бесѣда, Левитану оставалось жить всего нѣсколько мѣсяцевъ, и тѣнь крыльевъ близившейся смерти уже ложилась на его красивое особою одухотворенною красотою художника лицо...

Но, говоря о «неискоренимой шутливости» Чехова, Левитанъ былъ тоже правъ: сколько понимаю, тутъ была уже не «привычка», пусть и сдѣлавшаяся «второю натурою», а сама «натура». Была непобѣдимая внутренняя потребность.

--- Откуда у меня склонность къ шуткѣ и остроловію? Сказать, признаться, довольно трудно! --- говорилъ самъ Чеховъ. --- По всей вѣроятности, однако, тутъ сыграла свою роль особая комбинація наслѣдственности и со стороны матери, и со стороны отца. Дѣдушка по матери считался остроумнымъ человекомъ съ уклономъ въ сторону сатиры. Мой отецъ, по крайней мѣрѣ, въ молодости, славился въ своемъ кругу, какъ отличный рассказчикъ, умѣвшій не только «передать», но и «сочинять» житейскія исторіи. Позже, должно быть, подъ влияніемъ очень ужъ большой тяжести жизненныхъ заботъ, мой отецъ потерялъ прежнюю словоохотливость. Но и тогда у него, при удобномъ случаѣ, обнаруживалось остроуміе. Его опредѣленія и характеристики всегда отличались мѣткостью и частенько въ нихъ

проявлялась язвительность. Я лично думаю, что если бы мой отецъ въ юности попалъ въ болѣе культурную среду, если бы создались иныя условія существованія, --- изъ него, вѣроятно, вышла бы не незадачливый маленькій торговецъ, а или писатель легкаго жанра, или комедійный артистъ.

У насъ, Чеховыхъ, имѣется тяга и къ живописи. Одинъ изъ моихъ братьевъ былъ многообѣщающимъ художникомъ. Сгорѣлъ, бѣдняга! Изъ меня лично, вѣроятно, художника никогда не вышло бы. Но странное дѣло: питаю влеченіе, родъ недуга или тайнаго порока, къ... малярному дѣлу! И теперь способенъ провести цѣлый часъ, созерцая, какъ какой-нибудь маляръ орудуетъ огромною кистью...

Откуда это?

Вѣроятно, опять-таки — голосъ наслѣдственности: по семейнымъ преданіямъ, въ числѣ предковъ со стороны матери была даже цѣлая династія маляровъ. И былъ даже какой-то полумифическій «альфрейныхъ и вывѣсочныхъ дѣлъ мастеръ». Въ своемъ родѣ --- аристократъ малярнаго дѣла... А маляры и «альфрейщики», какъ извѣстно, рождаются или мрачными, какъ туча, и молчаливыми, какъ... какъ не знаю что... или же наоборотъ --- пѣвунами и балагурами. У нихъ такая работа, что видите ли, располагаетъ къ болтовнѣ, къ шутливости. Такъ что, пожалуй, и съ этой стороны мои писательскіе таланты являются продуктомъ наслѣдственности.

Когда я началъ «сочинительствовать»? Ну, на такой вопросъ отвѣтить трудно. Ибо надо предварительно выяс-

нить, что именно можетъ подойти подъ опредѣленіе «сочинительства».

Вспоминая свое далекое прошлое, я вижу, что исторія моего писательства столь же темна, какъ исторія мидянъ... Во всякомъ случаѣ, еще до поступленія въ гимназію, мелюзга частенько приставала ко мнѣ съ требованіемъ рассказать что-нибудь «страшное пристрашное» --- а я, начавъ излагать какую-нибудь страшную исторію о вѣдьмахъ, колдуняхъ, разбойникахъ, призракахъ, --- неизменно сбивался на смѣшное. Однако о томъ, что я --- «юмористъ», я лично долго и не подозревалъ. Глаза мнѣ открыты одинъ изъ гимназическихъ учителей, который, теперь уже не припомню, по какому поводу, принялся называть меня «юмористомъ»:

— Ну, ты юмористъ! А почему ты изволилъ опоздать къ началу занятій?

— А иди-ка, юмористъ, къ доскѣ! Посмотримъ, знаешь ли ты урокъ?!

— Юмористъ! Хочешь безъ обѣда остаться?! Уймись, юмористъ!

Одно время эта кличка сдѣлалась популярною въ нашей гимназической средѣ. Но потомъ какъ-то очень быстро позабылась. И только иной разъ какая-нибудь изъ барышень, любящихъ язвить юныхъ ухаживателей, огорачивала меня заявленіемъ:

— А вы мнѣ глазокъ не дѣлаете, Антоша! Вы, вѣдь, извѣстный юмористъ!

Въ гимназіи у насъ одно время процвѣтало журнальное издательство. Организовывались почти конспиративные кружки, которые и фабриковали рукописные журналы. Находились и собственные иллюстраторы. Въ каждомъ «номерѣ» рукописнаго журнала обязательно помѣщалось два или три стихотворенія. Я лично принималъ посильное участіе въ созданіи такихъ школьныхъ журналовъ, но, представте удивился, основательно позабылъ все, относящееся къ моей тогдашней литературной дѣятельности. Помню, но очень смутно, что два или три раза кропалъ стишки. Кажется, это была лирика. Еще помню, однажды въ «Азовской Звѣздѣ» --- такъ назывался одинъ изъ фабриковавшихся нами въ гимназіи журналовъ, --- появилось мое довольно длинное стихотвореніе, являвшееся пародіею на какое-то произведеніе популярнаго тогда поэта Розенгейма. Но отъ всѣхъ этихъ дѣтскихъ опытовъ, къ сожалѣнію, ничего не уцѣлѣло. А та «шутливость», которая дала поводъ одному изъ гимназическихъ учителей величать меня «юмористомъ», когда я, собственно говоря, еще подъ столъ верхомъ на палочкѣ могъ вѣзжать, не нагибаясь, --- она потомъ проявилась прямо-таки буйно. Она-то и загнала меня, безусаго студента, въ редакціи московскихъ сатирическихъ листковъ.

Да и теперь, на старости лѣтъ, и съ этимъ проклятымъ «процессикомъ», --- меня нѣтъ-нѣтъ, да и потянетъ къ остроумному словечку, къ смѣшному анекдоту. И трудно удержаться... Да и стоитъ ли «удерживаться»?!

Вѣдь, иной разъ, право же, въ утѣху хоть душу отведешь...